

Михаил Волков

Страсти по гармонии

Михаил Волков

Страсти по гармонии (сборник)

«Книга-Сэфер»

2007

Волков М.

Страсти по гармонии (сборник) / М. Волков — «Книга-Сэфер»,
2007

Представляем вашему вниманию новую книгу известного израильского автора Михаила Волкова, чей стиль невозможно спутать ни с чьим другим. Его проза – это уникальное сочетание юмора, фантасмагории, абсурда, тонкой словесной игры, неожиданных смысловых находок и парадоксальных философских идей, и все это искусно вплетается в зачастую привычные, бытовые ситуации, что дает возможность читателю не только от души посмеяться, но и задуматься, взглянув на нашу жизнь в необычном ракурсе.

Содержание

Книгопродавец	6
Книгопродавец	7
Страсти по гармонии	9
Технология написания романа	11
Мазки к портрету	14
На своем поле	16
Дама, валет	18
Муки творчества	19
Отпуск	20
Леди из ферст	24
Джаз – народу!	27
Театральные будни	29
Из запасных книжек	31
Между корнями и кроной	33
1	34
2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Волков

Страсти по гармонии

Рассказы, повесть, стихи

Рисунки Дмитрий Мариенгоф
Фото автора Дмитрий Вилькин
Фото деревьев Борис Эрихман

Автор выражает искреннюю признательность всем тем, кто способствовал выходу этой книги делом, словом или хотя бы одобрительным молчанием. Особая благодарность – Мите Мариенгофу за его прекрасные рисунки, сделанные специально для этой книги, Боре Эрихману, любезно предоставившему свои замечательные фотографии для иллюстрации оной, и Диме Вилькину, чьими стараниями книга обрела человеческое лицо (конкретно – лицо автора).

Когда известный одесский писатель, драматург и классик КВН Гарик Голубенко дарил мне свою книгу, он там написал: "Мишка! Это – последний раз. Хочешь читать хорошие книжки – пиши себе сам". Совет, что и говорить, дельный, и я с тех пор стараюсь, по-возможности, ему следовать. Как следствие этих стараний, в 2003 году вышла моя первая книга "Квадраты на воде". Вышла она тиражом 1000 экземпляров, и на некоторое время чтением я был обеспечен полностью. Но с тех пор прошло уже несколько лет, и мне захотелось почитать что-нибудь еще, тем более, что от того тиража почти ничего не осталось. В результате появилась та самая вещь, которую вы сейчас держите в руках.

Михаил Волков

Книгопродавец

Книгопродавец

- Здравствуйте. Чем могу помочь? Фантастика, детективы, романы, эротика?
- Здравствуйте. У вас есть «Жизнь насекомых»?
- Есть, как не быть! Вот, пожалуйста. Недорого.
- Спасибо. Э-э-э... простите, это не то.
- Как – не то? Вот, смотрите: «Мир насекомых». Справочник. Вы же это просили?
- Мне нужен не справочник «Мир насекомых», а роман Пелевина «Жизнь насекомых». У вас есть?
- Это смотря каких насекомых. Вы знаете, сколько видов насекомых существует? Миллион. И самое лучшее из них я предлагаю вам. Вот, смотрите: Рената Муха. Очень смешные стихи. А цена еще смешнее.
- Абсолютно с вами согласен, но Муха у меня уже имеется. А сейчас мне нужна «Жизнь насекомых» Пелевина. У вас она есть или нет?
- У нас все есть. Вот, видите: серия «Жизнь замечательных людей». Целая полка. По алфавиту: Абрамович, Акопян, Арагон, Арафат, Аристотель... Ну, и так далее. Учтите, на них сейчас сезонная скидка.
- Но Пелевин...
- А, вам все еще Пелевина? Я сразу почувствовал, что вы – человек принципиальный. Пожалуйста: Пелевин. «Чапаев и Пустота». Рекомендую. Не оторветесь. И цена – всего ничего.
- Спасибо, эту я уже читал. Я...
- Ну и как вам?
- Понравилась, только я хотел...
- Искренне рад. И теперь вы, конечно, хотите вернуться к первоисточникам? Так и быть, эксклюзивно для вас: «Чапаев» Фурманова. Раритет. Издание 2003 года. Тираж всего пять тысяч. Для вас – со скидкой.
- Да на черта мне ваш Фурманов!
- Напрасно! Издана замечательно. С иллюстрациями. Очень своевременная книга. А то люди уже стали забывать, кто такой Чапаев.
- Забудешь тут. Одних анекдотов сколько...
- О! Намек понял! Вот, прошу: «Чапаев в анекдотах». Издательство «Урал». Веленевая бумага. С фотографиями. Вы только взгляните, какая печать! И почти задаром.
- Да кто сейчас покупает анекдоты? Они все есть в Интернете.
- А, так вы интересуетесь Интернетом? Тогда у меня наверняка есть то, что вам нужно. Вот: «Интернет для чайников» Левина. Издание второе, продвинутое. Дешевле, чем у нас, не найдете нигде.
- Не нужно мне ничего для чайников. Я сам программирую для Интернета.
- Серьезно? Ну, если вы такой знаток, то вам и карты в руки. Держите. Автомобильный атлас Северной Африки. Совершенно необходимая вещь. Смотрите: Ливия, Алжир, Тунис, Марокко. Бери – не хочу. Три по цене двух.
- Вот я как раз и не хочу. Зачем он мне сдался?
- То есть как – зачем? Здесь, между прочим, и Судан есть. Это мечта, а не атлас! Без него вы там пропадете.
- А с ним я там, значит, не пропаду? Что вы мне суете эту вашу Северную Африку? Я вообще туда не собираюсь, а тем более на машине. Что я, по-вашему, псих? Там же одни арабы!
- А я тут причем? Я что ли их там селил? За что вы на меня-то так?
- Извините, я не хотел...

– Ладно, забыли. Я не обидчивый, тем более – понимаю: все работаем, все устаем. Люди, конечно, всякие приходят... некоторые хамят... ну, да хватит о плохом. Давайте-ка лучше подсчитаем. Эта плюс эта плюс три этих... м-м-м... плюс эта и эта... что там еще у нас... да... эта и еще эта. Вот, видите, получилось совсем недорого. Сущие гроши. Как будете платить? Карточкой? Понятно. Вот тут, пожалуйста, распишитесь. Спасибо. С покупкой вас. Да, чуть не забыл: вам полагается подарок. Каждый, кто покупает на тысячу и больше, получает книгу. За полцены. Нет, не любую, только из тех, что на этой полке. Можете сами выбрать. Что вы так кричите? Нашли Пелевина «Жизнь насекомых»? Я же говорил, что у нас все есть. Конечно, можете взять. За полцены. Я так и думал, что вы ее выберете. Рад за вас. От такого слышу. До свидания, приходите еще.

Страсти по гармонии

Вчера по ТВ была передача про певца. Очень известный певец, у него еще фамилия какая-то такая... а вот имя забыл. Они с ведущей сидели за столиком, а сзади расположились музыканты. На барабане у них написано: группа «Ноги врозь». У певца в бокал было налито, бутылка рядом стояла, этикеткой от меня – не разберешь. У ведущей в бокал тоже было налито, но поменьше. А у музыкантов в бокалы налито не было, и самих бокалов тоже не наблюдалось. Еще публика в студии сидела. У некоторых тоже налито было, но не в бокалы, а у кого как, сплошная самодеятельность. В общем, кто сам о себе не позаботился, тому только и оставалось, что слушать.

Сначала ведущая спросила певца, не помню как звать, о его творческих планах, и он рассказал нам о своих творческих планах. Потом, хоть об этом его и не спрашивали, рассказал поочередно о творческих планах соло-гитариста, ритм-гитариста, клавишника и барабанщика. Хотя мог бы этого не делать, потому что их творческие планы полностью совпадали с его творческими планами. Например, в его творческих планах стоит работа над его песней «Будь как бы моей», и в их творческих планах точно то же самое. Наверное, они свои творческие планы у него списывают, как сочинения в школе. Только в школе за это ругали, а здесь хвалят. Потом певец, как бишь его там, снова рассказал о своих творческих планах для тех, кто успел забыть, что он тут главный. Потом ведущая попросила певца, не помню как звать, спеть что-нибудь. Он сказал, что в его творческих планах такие вещи предусмотрены, вылез из-за стола, взял микрофон, выдвинул правую ногу вперед, согнул правое колено, поднял левую руку вверх, согнул левый локоть. Сделался совсем готов петь.

Группа «Ноги врозь» сыграла вступление. Сначала соло-гитарист взял длинную ноту и долго держал ее, никому не отдавая, и при этом нежно так приквакивал. Потом, видимо, усоветился, отпустил ноту и кивнул барабанщику. Барабанщик размахнулся обеими руками и сразу попал по трем барабанам и четырем тарелкам. Все это грохнуло и зазвенело, и я вспомнил, что у меня посуда с утра не мытая, а третьего дня в большой кастрюле что-то пригорело и пора бы уже отскрести. Барабанщик быстро успокоился и стал постукивать ненавязчиво. Бас-гитарист отыскал у себя самую толстую струну и проверил ее на прочность. Ритм-гитарист нащупал сразу все свои струны, извлек из них аккорд и начал его эксплуатировать. Клавишник расставил пальцы, оперся ими на отдельные клавиши и заскучал.

Певец разогнул колено, опустил левую руку, слегка рванул на себе воротник и спел первый куплет, где я с ним почти во всем согласился. На мою душу снизошел покой, о кастрюле я и думать забыл. Затем певец спел припев. Здесь у меня нашлись кое-какие возражения. Певец спел припев еще раз. Возражения окрепли и аргументировались. Потом еще шесть раз. После третьего мои возражения сделались менее обоснованы, а к шестому я их снял полностью. Сыграли проигрыш. Соло-гитарист заплел пальцы в косичку, вылез ими за пределы грифа и не сразу вернулся. Ритм-гитарист старательно забивал в гитару свой аккорд, а тот каждый раз вылезал обратно из динамиков. Барабанщик поддакивал и поднекивал, клавишник перелез на октаву выше и глядел снисходительно.

Отработали второй куплет. Он показался гораздо более сомнительным, хотя по тексту и по музыке ничем не отличался от первого. Покой, ранее снизошедший на мою душу, сменился тревогой по поводу озоновой дыры над Антарктидой. К третьему куплету я уже собрался как следует рассвирепеть на тему дошкольного образования в Марокко, но третьего куплета не последовало. Зато случился припев восемнадцать раз, после чего певец потерял надежду и некоторое время не пел, а горько покачивался с очень запрокинутым лицом и широко закрытыми глазами. Потом вернул лицо на место и рывком открыл глаза. Тут же все остальные оживились и засуетились, потому что это была уже кода. Барабанщик замахал всеми шестью

руками и, судя по всему, попал по всему. Ритм-гитарист поменял свой аккорд на другой и стал им публично хвастаться. Соло-гитарист с разгону въехал в тональность и разнес ее вдребезги. Клавишник нашел остальные клавиши и надавил их все и еще на что-то нажал ногой. Певец расставил ноги пошире и высказался в терцию с клавишником. По тексту выходило, что она их не любит.

Когда они поутихли, публика допила и похлопала. Ведущая допила и пожелала певцу творческих успехов. Певец допил и пожелал музыкантам творческих успехов. Музыканты пожелали себе бутылку со столика. Скрипача у них не было вообще.

Технология написания романа

Написать роман хотят все. Музыканты, врачи, президенты, футболисты, сутенеры, бизнесмены, фермеры, наследные принцы – абсолютно все хотят написать роман. У кого есть деньги – готов заплатить сколько угодно, вопрос – кому. У кого денег нет – готов на все остальное. Каждый понимает: написал роман – считай, что ты писатель. А если и до этого был писатель, то станешь еще больше писатель. А кому же не хочется быть писателем? Прохожие тебя уважают, мужчины тебе наливают, женщины на тебе виснут, боксеры тебя не трогают.

Большинство людей не умеет писать романы. В том числе, очевидно, и Вы, иначе писали бы свой роман вместо того, чтобы читать все это. Но если Вы дочитаете это до конца, то начнете писать романы не хуже меня – конечно, если Вы не полный идиот. Впрочем, и тогда тоже.

Технология написания романа предельно проста. В нем должны быть: завязка, развитие действия, развязка и обложка. Избегайте словоблудия и многословия, пишите четко, ясно, прямо и недвусмысленно, конкретно по делу, без околичностей и экивоков, не отвлекаясь на частности, не растекаясь мыслью по древу, не ходя вокруг да около и не размазывая белую кашу по чистому столу. И не беда, что роман выйдет небольшим – Вы тоже не граф Толстой.

Основные сюжетные схемы романов:

1. *Роман-жизнеописание*

Альберт родился.

Альберт жил.

Альберт умер.

2. *Роман-трагедия*

Альберт трудно родился.

Альберт плохо жил.

Альберт рано умер.

3. *Роман-драма*

Альберт любил.

Альберт убил.

Альберт ошибся.

4. *Бытовой роман*

Альберт ел.

Альберт пил.

Альберт спал.

5. *Социальный роман*

Альберт пил.

Альберт умер.

6. *Роман ужасов*

Альберт умер.

Альберт ел.

7. *Мистический роман*

Альберт умер.
Альберт родился.

8. *Криминальный роман*
Альберт жил.
Альберт давал жить другим.

9. *Детективный роман*
Альберт набил.
Альберт раскурил.
Альберт догадался.

10. *Военный роман*
Альберт приказал наступать.
Альберт приказал отступать.
Альберт приказал долго жить.

11. *Латиноамериканский роман-сценарий*
Альберт родился.
Альберт пропал.
Альберт нашелся.
Альберт женился.

12. *Эротический роман*
Альберт, еще!
Альберт, уже?

13. *Научно-фантастический роман*
Альберт клонировался.
Альберт телепортировался.
Альберт анти-сигма-минус-деретринизировался.

14. *Исторический роман*
Альберт пришел.
Альберт увидел.
Альберт победил.

15. *Философский роман*
Альберт мыслил.
Альберт – кто?

16. *Производственный роман*
Альберт трудился.
Альберт боролся.
Альберт добился.

17. *Деревенский роман*
Альберт пахал.
Альберт сеял.

Альберт умер.

18. *Политический роман*

Альберт жил.

Альберт жив.

Альберт будет жить.

Теперь у Вас есть все необходимое, чтобы написать много романов. Дерзайте. Если не сможете придумать, чем дополнить сюжетную схему, измените хотя бы имя персонажа. Нобелевских Вам премий.

Мазки к портрету

Он всю жизнь лелеял эту мечту – бросить все к чертовой матери и заняться искусством. Лелеял с самого раннего детства, когда и бросать-то было нечего – разве что детский сад. Уже тогда он чувствовал в себе нереализованный потенциал какой-то, скрытый талант к чему-то, высокое стремление куда-то. К сорока годам он, наконец, решился. Развелся с женой, уволился с работы, утопил абонемент в библиотеку и раздарил оба своих галстука. На этом первую половину мечты счел воплощенной и, не откладывая, взялся за вторую, для чего обзавелся каким-то специальным, не от мира сего, выражением лица. С этим выражением он часами сидел перед натянутым на подрамник грунтованным холстом в ожидании вдохновения. Иногда писал на холсте киноварью и охрой какие-то рифмованные строки или белилами нерифмованные, полагая, что белые стихи должны быть таковыми, прежде всего – визуально. Или же брал резец и, критически оглядывая дорогую гипсовую копию Венеры Милосской в натуральную величину, отсекал от нее все лишнее, следуя совету кого-то из великих. Картины не покупали, так как никто, глядя на них, не мог понять, живопись это или литература. То, что осталось от Венеры, также не оценили по достоинству: все сходилось на том, что лишнему у нее неоткуда взяться, скорее наоборот. Жить стало некуда и меланхолично.

Вскоре он где-то вычитал, что важнейшим из всех искусств для нас является кино, и попробовал заняться эротическими фильмами, точнее – их зоологическим направлением. Тут он быстро продвинулся и поставил этот, в общем-то, утилитарный жанр на грань искусства, какую грань впоследствии и перешел, создав научно-художественную концепцию под названием «микробиоэротизм». Созданные им фильмы, где фигурировали обнаженные микробы и вирусы в самых рискованных позах, очень скоро стали невероятно популярными. Ведущие микробиологи считали за честь сняться у него в заставке, где обычно показывали исследователя в белом халате, зорко смотрящего в окуляр микроскопа, и многоногую сисястую бактерию, призывно улыбающуюся навстречу ему в объектив. Он стремительно рос и как режиссер, и как сценарист. Сценарии обычно писал в больнице, куда периодически попадал, подцепив кого-нибудь из ведущих актеров. В более поздних его произведениях зооэротика из центральной идеи превратилась в средство, инструмент, с помощью которого он стремился обнажить самые сокровенные чувства персонажей, выявить их скрытые побуждения, проанализировать логику их поступков. На этом пути его ждал грандиозный успех: полнометражная лента «Пара в клубах пара» о трагической любви бледной спирохеты и палочки Коха в чайнике, закипающем во время пожара в ночном клубе, получила восемь «Пастеров» и возглавила рейтинг самых кассовых фильмов десятилетия.

Через год после этого знаменательного события ему присудили престижную премию «Золотой бемоль» за написанную им музыку к фильму «Вибрион и вибриона». Музыка его интересовала давно, причем отнюдь не в гуманитарном аспекте. Однажды он пришел к выводу, что микроорганизмы вполне способны воспринимать организованные звуковые колебания, то есть музыку. Вот только вкусы у них, натурально, отличаются от человеческих, и если эти вкусы изучить, можно будет создать нечто новое. Неизвестно, как он сумел постичь эти вкусы, но нечто новое он действительно создал. На нормальный человеческий слух эта музыка воспринималась как сочетание гнусного визга с мерзким дребезжанием, и от нее невозможно было спрятаться, заткнув уши; казалось, звуки рождаются не в динамиках, а прямо внутри черепа. Длительность подобных произведений варьировалась от часа до полутора. Иногда звук, казалось, затихал, но это лишь иногда и только казалось: на самом деле частотный спектр разделялся пополам, и обе половины одновременно сдвигались одна в инфра-, а другая в ультразвуковую часть диапазона, а в слышимой его части оставались только ритмичные хлопаящие щелчки через промежутки времени, выражаемые иррациональным числом секунд. Потом все начина-

лось снова. У неподготовленного слушателя (если к такому вообще можно подготовиться) эта музыка вызывала зуд костного мозга, судороги глазных мышц и рост волос между пальцами (последнему эффекту неоднократно пытались найти практическое применение, но безрезультатно). А микробам и вирусам она, по-видимому, нравилась, поскольку жалоб от них на эту тему не поступало.

Первое же публичное исполнение его композиции в зале Государственной филармонии, специально для этого случая оборудованном каким-то супер-электронным гиперсинтезатором, вызвало небывалый ажиотаж. Публика чуть не высадила двери, пытаясь покинуть зал. Один модный музыкальный критик, сделавший себе имя на джазе, фамилию на роке и отчество на попе, в своей статье «Кусты в рояле», опубликованной в журнале «Англо-саксофон», определил жанр произведения как «нелюдия в стиле истязанто». Разъяренный композитор поймал автора статьи в кульминационном зале Дома музыки и отсек ему все лишнее. Инцидент тут же попал в прессу, жанр тут же вошел в моду, и ругать его стало считаться признаком затхлости, невежества и дурного вкуса во рту.

Сам создатель жанра в настоящее время занимает пост главного консультанта по остальным вопросам в Академии киноремесла. Получает зарплату, к какой не всякий способен вообразить прибавку. Часто выезжает за границу, но почти всегда возвращается. Разговаривает покровительственно, особенно если не понимает языка, на котором ведется беседа. Громко любит классическое искусство, причем классиком считает исключительно себя. Бьет тех, кто с ним не соглашается. Соглашается с теми, кто бьет его. По четвергам творит. Ест мало, но без усталости. Одевается в широкое с плечами, цвета «сентябрь». Ездит на двухместном «Бентли» с турбо-наддувом. В машине рядом с собой возит бюст Платона, но уверяет, что истина дороже. Врет.

На своем поле

Мама, почему ты здесь? Тебе же было сказано сидеть на трибуне. Вот там и волнуйся, мама, это специальное такое место, там все волнуются. Сиди там и болей за меня. Там все болеют, это не заразно. А так ты мне поле загоразиваешь. Я защитник и не вижу игру, мама! Что значит «плохо поел»? Я съел сколько можно. Перед матчем нельзя наедаться, тренер не разрешает. Говорит, у футболиста в желудке, кроме желая выиграть, не должно быть ни хрена. Ты потом с ним побеседуешь, после игры. Хотя лучше не надо. Вон на табло, видишь, написано: ноль-ноль. Оно показывает, сколько можно есть перед матчем. То есть как «один-ноль»? Нам что, уже забить успели?! Это я из-за тебя прохлопал! Да какая курочка, мам! Ну да, свежая, сама варила, но почему во время игры? Нет, только ножку. Посоли и кожу сними. Секунду... оп! Отбил! Ну да, головой. А идише коп. Как говорит тренер, головой тычем, а хреном думаем. Я себя хорошо веду! Что значит – играю во время еды? Наоборот, это я ем во время игры. Да жую, я, жую!

Все, мама, мяч у наших ворот! Забери куру, потом доем, честное слово! Я один тут в защите остался! Остальных блокировали. Вон вратарь суп ест, а его бабушка за воротами караулит. Чтобы с хлебом ел, а не так. Вот он, между прочим, отвернулся, а уже свалка у ворот... А вот и гол, твою мать!

Нет, это я не тебе, мама. Это я так, в воздух. А вот это вообще был не я. Это уже вратарь сказал. Ну что он мог сказать, если он пропустил гол? Нет, это не на иврите. Это по-русски. Ну, как я тебе это переведу? А не надо было слушать! А не надо было с трибуны уходить! А не надо было вообще на стадион ехать. А куру я все равно сейчас не буду. Как доел? Действительно, доел! А куда это ты кости кидаешь, мама? Что – сам сказал? Я сказал – свалка у ворот, а не помойка! Как говорит тренер, хрен хрену рознь.

Мама, ради Бога, убери шарф! И свитер, и шапку с варежками тоже. Я в трусах, потому что форма такая. Что ж тут неприличного? Смотри, все в трусах. Замерзну, конечно, если всю игру тут простою. О, вот этот пас уже мне! Мам, извини, я побежал. Мяч надо разыгрывать. Перестань, мам, ты за мной не поспеешь! погоди с компотом, погоди! Дай мне этого обвести. Зрители орут, слышишь? Дай мне дриблинг показать! Нет, это не гадость, это термин такой футбольный.

Мама, оставь его в покое, что ты делаешь?! Не трогай его! Сию секунду верни ему мяч! Он его отобрал у меня по правилам. Да никто здесь не обижает твоего зайчика, это же игра! Никакой он не хулиган и не антисемит, он тоже еврей, просто в другой команде, он играет против меня, понимаешь? Да, да, мамочка, ты всегда за меня, я знаю! Слушай, ты можешь хотя бы уйти с поля? Отойти хотя бы туда, за боковую линию? Мама, я тебя умоляю! Ну пойдя, что ли, поболтай с бабушкой вратаря, вон она, все еще за воротами маячит с кастрюлей. И мне будет спокойнее, и ему тоже. Мама, пойми, с тобой нас двенадцать на поле, это нарушение. Судья сейчас заметит. Вон он, в полосатом, видишь? А у нас в полосатом как раз судья. Сейчас он тебя удалит с поля. Что? А тогда он удалит меня. Нет, мама, в футболе адвокатов не бывает. Зато есть скамья штрафников. Судья свистнет, и я пойду на ней сидеть. Как говорит тренер, хрен выращивать.

Ой, мам, раз ты все равно там стоишь, подкинь мячик, пожалуйста! Вон, к тебе подкатился. Нет, только не руками! Ногой его пихни! Да мне, мама, мне, не ему, он же противник! Чего ты шарахаешься? Я сказал «противник», а не «противный». Откуда я знаю, где его мама! Ты мне мячик сюда пихай, только не сильно! Ну и что, что в руке компот – ноги ведь у меня свободные. Как говорит тренер, не хреном единым... Давай сюда мяч немедленно! Естественно мешает: противник и должен мешать. Мама, он не к тебе пристаёт. Точнее, к тебе, но в другом

контексте. Ему не ты нужна, а мячик. А ты ему не давай, давай мне сюда. Вот спасибо! Как говорит тренер, кто с мячом к нам придет, у того мы его на хрен и отнимем.

Так, мама, всему есть предел! Гарнир я сейчас не буду. Что «нарочно»? Подумай сама: полуфинал, трибуны забиты, телевидение, пресса – по-твоему, я все это нарочно устроил, чтобы не есть гарнир? Мама, пойми, мы проигрываем ноль-два! Из-за меня, не из-за меня – достанется всем. Как говорит тренер, хрен редьки не толще.

Мама, куда ты с мячом? Ты же не умеешь! Осторожнее, сейчас он тебя на корпус... опаньки! Ух!.. Ну мам, ты даешь! За что ты его так? Он же не враг тебе, он всего лишь играл! Что ты делаешь?! Не в те, не в те ворота!! Это наши! Ну да, это вратарева бабушка временно там встала, пока он яблочное пюре доедает. Туда, туда давай, в тот конец! Удар!.. Ни хрена себе, как говорит... Еще удар!.. Гол!!!

Ну, мам, ты потрясла – нет слов! Охренеть и не взойти, как сказал бы тренер. Еще познакомишься, он теперь с тебя не слезет. В смысле, не отстанет от тебя. Особенно, если в финал выйдем. Ладно, давай сюда гарнир, шарф и что там еще у тебя. А сама вперед, вы начинаете с центра поля. Я буду на трибуне за тебя болеть. Хрен держать на счастье, как говорит тренер.

Дама, валет

- Молодой человек, почему вы на меня так смотрите?
- Простите?
- Какое вы имеете право так на меня смотреть? Я что вам – шлюха?!
- Мадам, я не совсем понимаю... я вас чем-то обидел?
- Вы? Обидели? Да вы меня попросту оскорбили, нагло и цинично!
- Но чем же, мадам?!
- Чем? Своим грязным, похотливым, сладострастным взглядом! Типичное сексуальное домогательство!
- Извините, мадам, но это недоразумение. Я смотрел вовсе не на вас.
- А на кого же? На кого еще тут, по-вашему, можно смотреть?!
- Ни на кого. Я просто смотрел в окно.
- Не врите! С какой стати вам смотреть в окно?
- Я жду приятеля и иногда поглядываю в окно, не идет ли он. А вас я даже не заметил.
- То есть, как это не заметил?! Я сидела вон за тем столиком, возле окна, и прекрасно видела, какие зовущие, обволакивающие, раздевающие взгляды вы бросали на меня! Между прочим, у вас красивые глаза. И все остальное тоже. Мне что, позвать полицейского?
- Что вы, мадам, зачем? Я же не сделал ничего плохого!
- Ничего плохого?! С таким-то вождением во взгляде? У меня даже голова закружилась!
- Ради Бога, успокойтесь, мадам! Вам просто показалось.
- Показалось? Я что, по-вашему, уже в маразме!?
- Я этого не говорил! Просто вы напрасно рассердились, я вас совсем не вождею.
- А я говорю, вождеете! Вас что, разве не волнует мое тело? Моя нежная кожа, изящная шея, тонкая талия, упругая грудь? Мои чувственные губы, роскошные плечи, стройные бедра, длинные ноги? Да вы просто изнемогаете от желания обладать мною! Вы хотите сорвать с меня платье – вот это, полупрозрачное, с таким глубоким декольте! Жаждете разорвать на мне бюстгальтер, который сам расстегивается, если нажать вот тут! Мечтаете стащить с меня трусики, хотя они такие маленькие, что ничему не мешают! А потом швырнуть меня, обнаженную, на медвежью шкуру, что лежит на полу в моей квартире, улица Колумба, 46, второй этаж, и грубо, жадно и ненасытно овладеть мной десять раз... ну, хотя бы шесть! А потом... куда же вы, молодой человек?! Вот сволочь! Подлец! Бармен, еще мартини! Кстати, почему вы на меня так смотрите?

Муки творчества

Поэт всесилен, как стихия...

Ф.И.Тютчев

Утром проснулся, встал, умылся, сварил кофе. Настроение творческое, что очень кстати. Журнал «Фемина» заказал вчера поэму о любви и верности. Я уже и название придумал – «Пенелопа», и общий замысел почти оформился, и даже рифмы кое-какие ночью приснились. Включил компьютер. Подождал, пока загрузится Windows 2000. Открыл меню «Program» и запустил Microsoft Word 2000. Открылось окно «Document1». Напечатал «Пене...», и Word завис. Подумал. Нажал Ctrl-Alt-Del, открылось окно Windows Task Manager. На закладке «Applications» нашел строчку «Document1 – Microsoft Word», и сделал ей «End Task». Подождал. Появилось окно с заголовком «End program – Microsoft Word» и надписью «This program is not responding...» и так далее. Выбрал «End now». Компьютер завис. Подумал. Нажал кнопку «Reset» и подождал, пока перезагрузится. Открыл меню «Program» и запустил Microsoft Word 2000. Появилось сообщение: «Microsoft Word for Windows has encountered a problem and needs to close». Подумал. Попробовал еще раз. Появилось сообщение: «Required registry information is missing and this application cannot run. Please run setup to correct this problem». Подумал. Решил переустановить Word. Нашел CD с Office 2000. Подумал. Решил заодно уж сделать upgrade. Нашел CD с Office XP. Открыл «Control Panel», потом «Add or remove Programs», нашел «Microsoft Office 2000». Выбрал «Remove». Подумал. Выбрал «Yes». «Microsoft Office 2000» удалился. Вставил CD с Office XP и запустил Setup. Пока устанавливалось, пошел на кухню и сделал яичницу. Вернулся к компьютеру. На экране было: «Error 1603: Fatal Error During Installation». Система зависла. Подумал. Сделал «Reset». Вместо загрузки Windows получил синий экран. Подумал. Нажал «Reset». Ситуация повторилась. Подумал. Решил переустановить Windows. Нашел CD с Windows 2000. Подумал. Решил заодно уж сделать upgrade. Нашел CD с Windows XP. Вставил в CD-ROM, нажал «Reset» и подождал, пока перезагрузится. Не перезагрузилось. Вместо этого появилась надпись: «Invalid drive». Подумал. Вытащил CD, выключил компьютер, снял крышку, переставил CD-ROM на другой IDE, завинтил крышку, вставил CD и включил компьютер. Подождал. Получил предложение отформатировать диск «С». Подумал. Согласился. Пошло форматирование. Пошел на кухню и съел яичницу. Холодная, но вкусно. Вернулся к компьютеру. Подождал, пока Windows XP установится. Получил запрос насчет драйверов для видеокарты, монитора и всего остального. Подумал. Выбрал «Default». Получил запрос насчет имени пользователя. Подумал. Написал «MyUser». Подождал, пока установка завершится. Подождал, пока Windows XP перезагрузится. Подумал. Открыл «Control Panel», потом «Add or remove Programs», вставил CD с Office XP и установил его. Открыл меню «Program» и запустил Microsoft Word XP. Открылось окно «Document1». Подумал. Напечатал «Пенелопа». Посмотрел на часы – полвторого ночи. Сохранил написанное в файле «Penelopa.doc». Выключил компьютер. Лег спать.

Отпуск

В июле потеплело до тридцати восьми в тени, но жизнь в Тель-Авиве упорно отказывалась замереть. Днем на раскаленных улицах жарились люди. Они жирно блестели в лучах солнца, медленно поворачиваясь к нему то одним, то другим боком, шипели и стреляли вокруг каплями кипящего пота. Ближе к вечеру, когда светило неохотно заваливалось за кривоватые крыши, улицы прекращали нагреваться и даже пытались потихоньку остывать – без особого, впрочем, успеха. Ночью недопеченные жители вылезали из горячих квартир и брели к морю. Там, на берегу, можно было ощутить намек на прохладу и поймать, если повезет, дуновение, призрак ветра. Можно было зайти по колено в кипяченую морскую воду, опуститься на карачки и стоять так, пока не станет прохладнее – то есть, до осени. Или до первой медузы. Медузы знали свой сезон, строго соблюдали его и в особо удачные дни кишели в море как клецки в супе. Ожоги их были очень болезненными и оставляли шрамы, которые при надобности могли сойти за боевые.

Жара делала свое дело: население медленно, но верно сходило с ума. Горячие на ощупь газеты, глядеть на которые не было сил, вываливали на обозрение еще более горячие новости, одна другой загадочнее. В Хайфе ограблен банк спермы: грабители подкупили охранника, пообещав ему долю от добычи. В Рамат-Гане пьяный хулиган подрался с автоматом по продаже сигарет, приняв его за игральный. Дочь бывшей королевы красоты Израиля потребовала передачи титула по наследству. В Иерусалиме водитель такси забыл пассажиров в машине и улетел в отпуск на Мальту. В Акко пенсионер подал в суд на соседа сверху, хотя жил на последнем этаже. В Яффо на поэтическом турнире местного литературного клуба безработный сонетчик-элегист набил руку безработному эписту-сагику, а тот в ответ пожал ему морду. В больнице Ихилов двое безнадежных больных признаны надежными...

Два человека полусреднего возраста растеклись по плетеным стульям, выставленным посреди тротуара у входа в крошечное кафе. На стоящем между ними круглом пластмассовом столике медленно закипали два высоких стакана с пивом. Навес над столиками отбрасывал полупрозрачную тень. Граница тени неумолимо приближалась к сандалиям того, кто сидел к северу от собеседника. Северный с тоской поглядывал на роковую черту, понимая, что встать и двигать стул все равно придется. Южный, с некоторым усилием изобразив на лице сочувствие его страданиям, вытянул из полупустой пачки «Парламента» сигарету и выставил ее кончик на солнце. Сигарета, помедлив, задымилась. Южный затаился и продолжал:

– Я всегда был уверен, что время сумасшедших алхимиков-одинок давно прошло. Этких средневековых типов, вросших в подвальный полумрак своих лабораторий, тративших жизнь на поиски эликсира бессмертия. И вдруг на прошлой неделе познакомился именно с таким. Человек не от мира сего. Тот самый случай, когда сразу не поймешь, то ли он гений, то ли псих, то ли и то и другое вместе. Он у себя на в квартире устроил лабораторию и лет восемьковырялся там безвылазно, создавал этот самый эликсир. На что жил – непонятно.

– Ну и как, создал?

– Утверждает, что да, как бы дико это не звучало. В состав этого эликсира входит что-то около сотни ингредиентов, и настаивается все это – догадайся, на чем? Правильно, на спирту. Крепость – 85 градусов. Изобретатель утверждает, что для настоящего эффекта необходимо принимать по литру в день. Тогда, мол, станешь бессмертным. Сам он пьет его уже два года.

– Так он, что ли, стал бессмертным?

– Трудно сказать. Во всяком случае, еще не умер. Хотя я вот, например, тоже пока живой – тьфу-тьфу! – безо всякого эликсира. Но привыкание он себе уже заработал. Тяжелую форму эликсиромании. Теперь он без него нескольких часов прожить не может, такая ломка начинается – полный конец света. И ничем другим этот эликсир заменить нельзя: водка, вино, спирт

– ничего не действует. Он туда что-то намешал сильно уникальное, а что – забыл. А рецепт он хранил в компьютере, и антивирус его почему-то удалил. Теперь он не может этот эликсир приготовить. У него еще на месяц запаса осталось, а потом, видимо, умрет.

– Я тоже, видимо, умру, – уныло пробормотал северный. – Эта жара меня доконает. Или сведет с ума.

– Сведет, – охотно согласился южный. – Судя по всему, уже свела. Затащить человека в такую погоду в открытое кафе способен только полный псих. И я псих, что согласился. А нормальные люди пьют холодное пиво в кондиционированном помещении.

– Не переносу я кондиционер, ты же знаешь. Простуживаюсь через пять минут. И вообще, я в Европу хочу.

– А что, собственно, такого есть в Европе?

– В Европу, – повторил северный, с отвращением косясь на свое потное отражение в витрине. – Хоть на пару недель. В Альпы. Австрийские, французские – какие угодно.

Южный взял со стола салфетку, сложил ее углом, потом еще раз углом, соединил края зубочисткой, подул внутрь и образовавшуюся треуголку водрузил, слегка набекрень, на свой стакан, отчего тот сразу стал похож на Наполеона Бонапарта, прошедшего ночь в борделе.

– А почему именно в Альпы?

– Там прохладно! Там дождь бывает. А на Гроссглекнере, говорят, снег лежит. И на Монблане снег. Давай съездим, померзнем слегка, а? Ведь это же уму непостижимо! Такого лета я не помню. Ты когда-нибудь в жизни пивом обжигался?

– Действительно, пекло жуткое. Но две недели в Альпах от него не спасут. Даже если все это время проваляться голым в снегу.

– Это почему?

– Потому что через две недели эти две недели кончатся, и придется возвращаться в это же самое пекло.

– Ну и вернемся. Все же легче будет.

– Не будет легче. Наоборот, хуже будет. Представляешь, вокруг все та же жара, но Альпы уже позади. И утешаться до следующего лета нечем. Нет, друг мой, выживание – это искусство, и рутинный подход здесь не годится. Вот возьми, например, моего алхимика. Сплошное творчество и, как следствие, интересный результат.

– И что хорошего в таком результате?

– Хотя бы то, что он непредсказуемый. То же самое с жарой. Представь себе, что у тебя с ней дуэль. Как победить противника, который сильнее тебя? Очень просто: надо сделать то, чего он от тебя не ожидает.

– Например, застрелиться. Слушай, охота тебе в такую погоду софистикой заниматься? Ведь на самом деле дураку понятно: жарко тебе – поезжай туда, где прохладно, и передохни хоть немного. В общем, ты как хочешь, а я – все. Сейчас позвоню боссу, попрошу отпуск. Потом пойду домой, залезу в Интернет и закажу билет... э-э-э... на послезавтра. Чартер, шмартер – что угодно. Прилечу в Мюнхен, в аэропорту возьму машину и через пять-шесть часов буду на Гроссглекнере. И прощай, жара.

– Что ж, некая примитивная логика в этом есть. Ладно, съезди, померзни. Вернешься – позвони, посидим, расскажешь. А сейчас по домам, что ли, пока не растаяли окончательно?

– Да, пожалуй, пора. Ну, до встречи.

* * *

Спустя три недели в том же кафе за тем же столиком, в том же соответствии со сторонами света сидели северный и южный. Над ними стояло солнце, перед ними – горячее пиво.

Северный выглядел значительно свежее и бодрее, чем в прошлый раз. Хотя время от времени, видимо, забывая о самоконтроле, озирался вокруг тоскливо-растерянным взором. Южный прикурил от солнца и, продолжая разглядывать северного, одобрительно произнес:

– Выглядишь совсем даже неплохо. В Альпах, стало быть, побывал?

– А как же! Не корысти ради, а согласно купленным билетам.

– Понятно. Лучший способ убить мечту – это осуществить ее. Что же, рад за тебя. Кстати, помнишь, я тебе об алхимике рассказывал? Я его вчера встретил.

– Помню. Ну и что, он совсем плох?

– Как ни странно, в полном порядке. Я же говорил: творческий подход – большое дело.

– Что, вспомнил рецепт?

– Нет, эликсиромания прошла. Точнее, перешла в обыкновенный алкоголизм. И все, говорит, больше никаких проблем. Воистину, человеком себя почувствовал.

– А как с бессмертием?

– Все, говорит. Никакого бессмертия, чуть не сдох от него. Ну да Бог с ним. Расскажи лучше, как съездил.

– О-о-о! Нет слов, одни фотографии.

– Ну и что, теперь тебе в Израиле не так жарко?

– Если честно, так же. Даже жарче с непривычки. Зато две недели провел как белый человек, даже замерз пару раз на вершине. А через год в Норвегию поеду, за Полярный круг. А еще Аляска есть. И Гренландия.

– Ты Антарктиду забыл.

– А что? От такого, – он смахнул пот со лба, – можно и в Антарктиду. Дорого только. А ты, похоже, тоже не дома сидел?

Южный действительно переменился. Он похудел и осунулся, глаза запали, кожа на изможденном лице выглядела так, как будто он целый год водил караваны по Сахаре или стоял на мостике пиратского брига. На шее виднелись следы фурункулеза, на руках – следы укусов и царапины, локоть забинтован, но лицо выражало удовлетворение.

– Прямо назавтра после тебя укатил.

– Куда, если не секрет?

– В пустыню Арава, ближе к Эйлату.

– В такую жару торчал в Эйлате?

– Не в Эйлате. В Араве. От Эйлата километров пятьдесят.

– А что там есть?

– А ничего там нет. Ни воды, ни зелени. Камни, трава сухая да колючки.

– И что ты там делал?

– Жил.

– Где?

– В палатке.

– Как – в палатке?! Там ведь дикая жара!

– Сорок пять в тени. Тени, правда, нет.

– Ты что, с ума сошел?

– Чуть не сошел, это правда. Жара плюс обезвоживание. После отдыха три дня дома отлеживался, в себя приходил. Зато теперь – полный кайф. Вот ты, я гляжу, смотришь вокруг с тоской, плохо тебе, обратно в Альпы хочется. А мне хорошо, обратно в Араву не хочется. Погода эта вполне меня устраивает. После той. И так я буду наслаждаться целый год, до следующего отпуска. Единственная проблема у меня – в отпуск не захочется. Но тут уж надо себя заставить. Есть ради чего. На будущий год думаю в Мексику поехать. Там есть места, где летом под пятьдесят, а то и жарче.

– Слушай, а что, если... – начал северный, запнулся на мгновение и решительно продолжил: – Я читал, что в Долине Смерти в Калифорнии температура летом доходит до пятидесяти семи. Может, махнем туда вместе? Следующим летом, а?

Леди из ферст

- Проходите, пожалуйста.
- Благодарю, только после вас.
- Нет, прошу вас. Леди из ферст. В смысле, леди вперед.
- Леди из ферст иф ши дазнт аргью.
- Пардон?
- Тоже по-английски: леди вперед, если она не возражает.
- А–а–а... Если честно, в английском я не Бальзак. Пару фраз, конечно, знаю. Про леди и вот еще такую: ту би ор нот ту би. Это из Гамлета: быть или не быть.
- Спасибо, я в курсе. Хотя с таким произношением, как у вас, догадаться непросто.
- Я не виноват. У нас школе вообще английского не было.
- А какой был? Может, вы во французском – Гете?
- Пардон, но по-французски знаю только пардон. И еще – шерше ля фам.
- Да вы просто полиглот. А в школе, видимо, немецкий учили? Уж в нем-то вы наверняка Сервантес.
- Точно. Немецкий. Правда до Сервантеса мне далеко. Э-э-э... вот: Анна унд Марта баден.
- Гениально! А еще?
- Майн брудер ист дер тракторист ин унзерен колхоз.
- Вы уверены, что это немецкий?
- А какой же еще?
- Ну, хорошо, вам виднее. Ладно, проходите. Хватит держать дверь.
- Так я же для вас держу. Леди из ферст. Джентльмен из потом.
- Вы что, всегда такой ревнитель этикета?
- Стараюсь. Вот, дверь вам держу.
- Между прочим, я вас об этом не просила. Меня это вообще оскорбляет.
- Что оскорбляет? Что я держу дверь?
- Весь этот ваш этикет.
- Почему?
- Потому. Вы хоть понимаете, что такое этикет и для чего он нужен?
- Ну, кодекс вежливости, что ли. Чтобы женщине было приятно.
- Чтобы женщине было приятно, надо не дверь держать, а... Весь ваш этикет – это практическое пособие мужчинам по дискриминации и унижению женщин.
- Да что я вам такого сделал?! Всего лишь хотел пропустить вас вперед и придержал дверь, чтобы вам было удобнее. Где тут дискриминация и унижение?
- Вам объяснить или сами догадаетесь?
- Куда уж мне. Полон не вышел.
- Не горюйте, в наше время это поправимо. Ладно, объясню. Вы вообще знаете, откуда взялся этикет?
- Из книжек?
- Из жизни. Это не что иное, как квинтэссенция мужского опыта по обеспечению собственного комфорта и безопасности. Естественно, за счет женщин.
- Чушь какая-то!
- Вам нужны доказательства? Пожалуйста. Вот, к примеру, если кавалер ведет даму под руку, с какой стороны от нее он должен идти?
- Э-э-э... вроде справа. А это что, имеет значение?

– Ну, не на пустом же месте это правило возникло. В свое время мужчины носили шпагу. Носили ее слева, поэтому даму – независимо от того, нравилось ей это или нет – вели справа от себя. Чтобы можно было ее быстро обнажить.

– Кого обнажить?

– Шпагу, пошляк. Чтобы дать выход собственной агрессии. Потом стали ходить с револьверами, их носили чаще всего справа, а даму, соответственно, вели слева от себя. А что она сама об этом думала, никого не интересовало.

– Понятно, понятно. А сейчас кавалер опять ходит слева, да? Чтобы не удариться о сумку с продуктами, которую дама несет в правой руке?

– Напрасно вы иронизируете, это так и есть. И еще немного сзади, чтобы не спотыкаться о коляску с ребенком, которую дама катит перед собой.

– А ведь помочь даме нести сумку – тоже относится к этикету. Что здесь плохого?

– Как что? Это дает возможность без лишнего шума избавить даму от ее сумки вместе со всем, что в ней лежит.

– М-да... А вот, например: отчего, по-вашему, мужчине полагается встать, когда к нему подходит женщина?

– Из-за обыкновенной трусости. Делается это для того, чтобы ей было труднее отвесить ему заслуженную пощечину за недавнее оскорбление или еще какую-нибудь подлость, которую он по отношению к ней наверняка совершил. Вы же не будете спорить, что стоящего подлеца бить не так сподручно, как сидящего?

– Пожалуй, не буду, хотя сейчас я как раз стою. Кстати, а почему у слова «подлец» нет женского рода? Не ваши ли это женские козни?

– Отнюдь! Это еще одно свидетельство в пользу того, что мужчины хотят ограничить нас во всем.

– Интересная трактовка. Ну, а что, скажем, плохого в том, что даме пододвигают стул?

– А это весьма удобный способ усадить ее не там, где она хочет, а там, где вы хотите, чтобы она сидела. На сквозняке, подальше от пирожных – все, что угодно. Или возле электрической розетки, чтобы вызвать у нее на подсознательном уровне отрицательные ассоциации с электрическим стулом.

– С ума сойти! А, допустим, руку целовать?

– Элементарно. Повод рассмотреть поближе кольца, браслеты – драгоценные или подделка. И решить, стоит ли за ней ухлестывать с целью обобрать впоследствии.

– Вот это да! Вы, часом, не прокурором работаете? Перед такой способностью формулировать обвинения из ничего я просто снимаю шляпу.

– Можете не снимать, у вас все равно там перьев нет.

– Каких перьев?

– На шляпах раньше перья носили, вы в курсе? Потому и снимали шляпу, чтобы ими хвастаться. Как будто нормальная женщина выбирает мужчину по перьям.

– А цветы дарить?

– Цветы? Ну, это уже просто верх цинизма. Вручая букет, вы как бы говорите прямым текстом: «Вот, видите, до чего они прекрасны? А теперь посмотритесь в зеркало и сравните себя с ними».

– Ну хорошо, допустим. А дверь? У вас и тут объяснение есть?

– Конечно. Причем элементарное. Представьте себе пару питекантропов.

– Кого?

– Питекантропов. Или австралопитеков, если лично вам они ближе, во что я охотно поверю. Вот они гуляют себе вечером по лесу, а времени-то уже восьмой час, пора искать надежный ночлег. Находят, наконец, пещеру. Сразу в нее лезть рискованно: вдруг она уже занята кем-то сильно клыкастым и голодным? Вот тут и начинается этикет: леди из ферст.

Причем выбора у леди нет. На случай, если она не захочет быть ферст, у джентльмена имеется суковатая дубина. Против клыкастого она вряд ли поможет, но для того, чтобы поучить леди этикету, вполне сойдет. Поэтому прекрасная половина, дрожа и озираясь, заходит в пещеру, а сильная половина внимательно прислушивается к происходящему там. И если оттуда донесутся неподобающие, но характерные звуки – вой там или рычание, а может, сразу жевание или глотание – вся ясно: эта пещера не подходит, надо искать другую. А заодно и другую леди, чтобы было кому в ту пещеру ферст.

– Я так понимаю, этой леди вы бы не хотели быть?

– Однозначно. И этим джентльменом тем более.

– Понятно. Значит, остается клыкастый в пещере. Поздравляю вас, мадам, с удачным выбором. А теперь давайте все же выйдем отсюда, отпустим, наконец, этот злосчастный автобус и продолжим беседу вон в том баре, где вы, судя по всему, будете рады заплатить за меня. Предложите мне руку, чтобы я не упал. Придержите мне дверь. Спасибо. Пододвиньте мне стул. Закажите мне пива. Потом вам придется проводить меня домой. Только до подъезда. На большее не рассчитывайте, я мужчина порядочный. Тем более, что мне вообще сегодня нельзя.

Джаз – народу! **(к 4-летию джаз-клуба «Линк@»)**

Добрый вечер, дорогие товарищи!

Вот тут общественность поручила мне огласить некоторые итоги. Оглашаю.

Только что трудовой коллектив джаз-клуба «Линк@» с честью завершил выполнение четырехлетнего плана. По всем производственным показателям клуб вышел на первое место и красит его.

Всего за отчетный период клубом отыграно на-гора 1207 человеко-часов музыки. План по звуку и тембру выполнен на 115%.

В рамках борьбы за повышение производительности труда были приняты и успешно выполнены следующие обязательства:

1. Настраивать инструменты во время игры.
2. Заменить все малые секунды и терции на большие.
3. Освоить игру на нескольких инструментах одновременно.
4. Уменьшить долю сольных проигрышей в общем звучании. Само слово «проигрыш» в целях устранения негативных ассоциаций решено заменить на «выигрыш».
5. Повысить скорость исполнения, сократить до минимума внутрикомпозиционные паузы и простои на аплодисменты. Тут удалось добиться значительных успехов. В частности, на одном из концертов был зарегистрирован личный трудовой рекорд нашего ударника: в то время, как его сотрудники заканчивали играть первую пьесу, он уже дошел до середины третьей.

Внедрен прогрессивный метод септаккордной оплаты. Износ струн снижен на 22%, что позволило сэкономить более 40 погонных метров струн. На сэкономленных материалах сыграно 14 пьес общей продолжительностью 76 минут. Отработана технология игры на контрабасе методом пальпации, с целью сокращения расходов на смычки. Освоена новая версия ноты «си» – «си-плюс-плюс». Практически завершён переход от черно-белой клавиатуры к цветной.

Большое внимания уделяется технике безопасности. Место перед тромбонистом огорожено согласно действующим правилам и снабжено табличкой с надписью: «Уйди от греха!».

При клубе работает кружок художественного чтения партитуры. Регулярно проводятся занятия секции гражданской обороны. Упражнение по сборке-разборке контрабаса теперь выполняется за сорок секунд.

Активно ведется шефская работа. Проведен ряд концертов для сотрудников подшефного симфонического оркестра Тель-Авивской филармонии.

Клуб «Линк@» внес важный вклад в мировую музыкальную культуру. Недавно от имени его членов было отправлено коллективное письмо Бритни Спирс с просьбой больше не петь.

Вместе с тем, в работе клуба еще имеются отдельные недостатки. Плохо налажено снабжение нотами и словами, вследствие чего музыкантам часто приходится играть экспромтом, а вокалу – петь «та-би-ду-ба-ди-бу-да». Выбор репертуара осуществляется по какому-то странному, явно дискриминационному принципу: при наличии большого числа хороших композиторов исполняется почему-то только музыка толстых. Короче, нельзя останавливаться на достигнутом, а нужно идти вперед.

Дорогие члены клуба! Будучи чрезвычайно в этот торжественный от всего и более чем радости вместе с тем людям забываемо от всей души очередной дарить во имя поскольку рубеж дальнейших передовой на благо. Продолжайте в том же духе, на радость всем, в той или иной степени помешанным на джазе, людям. Я не случайно сказал «помешанным», ибо какой нормальный человек будет любить джаз, когда вокруг столько хорошей попсы!

А теперь, все, что мне осталось – это завершить свое приветствие словом из трех букв, которое все мы хорошо знаем еще с детского сада: ура!

Театральные будни

- Простите, у вас случайно нет лишнего билетика?
- Случайно есть.
- О! Наконец-то повезло. Спасибо!
- Не за что. Вот, пожалуйста. С вас сорок.
- Так дешево? С ума сойти! Вот деньги. Еще раз спасибо!
- Пожалуйста. Рад был помочь.
- Э-э-э... Стойте! Он же использованный! Без контроля! И вдобавок на вчера!
- Ну и что?
- То есть, как «ну и что»? Он же не годится!
- Не годится для чего?
- Вы что, издеваетесь? Я же пришел в театр!
- А это что перед вами – не театр?
- Ну... театр, конечно, но ведь билет на вчера! И без контроля!
- Зато за полцены.
- На кой он мне за полцены, если меня с ним внутрь не впустят?
- А зачем вам внутрь?
- То есть, как это «зачем»? Вы что, псих? Я спектакль хочу посмотреть!
- Я вам расскажу. Это опера. Называется «Евгений Онегин».
- Я и без вас знаю, как она называется. Верните мои деньги! И поживее, мне еще билет искать.
- Можете не искать. Все равно так, как я, вам никто не расскажет.
- Не нужен мне ваш рассказ! Я в театр хочу! Забирайте свой билет и отдавайте деньги!
- Странный вы человек: еще ничего не послушали, а уже отказываетесь. Там, кстати, все просто как дважды два. Семья русских провинциальных помещиков, две дочери на выданье. Жених одной из них привозит с собой друга...
- Ну, хватит уже! Что я, Пушкина не читал? Я оперу хочу послушать. Музыка! Вокал!
- Ладно, уговорили. Я вам спою. Вот, скажем, ария Ленского: «Куда, куда, куда вы удалились...»
- Да что вы раскудахтались, как беременный петух! Деньги лучше верните!
- Зря вы не хотите дослушать. Там еще потом: «Паду ли я стрелой пронзенный...»
- Прекратите, наконец, издеваться! Сколько можно! Хотя, если честно, голос у вас неплохой.
- Вот! Я же говорил. Продолжать? Или все по порядку, с самого начала?
- Ну, я не знаю... без оркестра как-то...
- Оркестр есть.
- То есть как?
- А так. Ребята, сюда!
- Ничего себе! Они что, все это время за углом прятались?
- Ну да. Ребята, поехали увертюру!
- Ни фига себе! Такого я еще не видел! А откуда оркестр?
- Как откуда? Из театра. Вот из этого самого.
- То есть... а сейчас там кто играет? Спектакль же вот-вот начнется.
- Не начнется.
- Почему?
- Потому что некому начинать. Мы все здесь, на улице.
- Мы все? А вы тогда кто?

- Я? Я там пою. Онегина. Меня от него уже тошнит.
- От Онегина? Но почему? Онегин – это же...
- Так. Давайте договоримся: про Онегина ни слова. А то я за себя не отвечаю. У меня удар правой – двести килограмм.
- Да что вы такой нервный?
- Я эту роль ненавижу! всю жизнь Ленского мечтал спеть. А они не дают. Штатное расписание менять, говорят, придется, путаница начнется в бухгалтерии, афиши новые печатать и так далее. Послал их подальше и ушел. Зато здесь могу петь, кого хочу. Хоть Татьяну.
- С ума сойти! А оркестр что – тоже хочет играть Ленского, а не Онегина?
- Оркестру все по барабану. Пол-литра на рыло, и они весь вечер мои. Дирижеру литр.
- Да-да, конечно... И что, завтра тоже так?
- Нет, почему же? Завтра «Лебединое озеро». Приходите за полцены. Вам одна барышня здесь на тротуаре так Одиллию станцует – закачается. Только не вздумайте ее спрашивать про Одетту. У балерин удар ногой – до одной тонны. Ну, до завтра.

Из запасных книжек

- Экзамен – это место, где спрос превышает предложение.
- Мама, а правда, у Христа было 12 остолопов?
- Крах личной жизни: вчера не дала правая рука.
- Еда по-македонски: двумя ложками на бегу.
- Не твое доброе дело!
- Табличка на двери врача: «Лечитесь, а то умру!».
- Интроверт! Хочешь жить – умей экстравертеться.
- – Жене вчера исполнилось 30. Я ей купил букет роз по числу лет.
- Что, 30 роз?
- Нет, что ты! За 30 центов.
- Основная проблема современной поп-музыки – это синхронизация фонограммы с голограммой.
- От неграмотных тоже бывает польза. Один такой, например, изобрел письменность.
- – Алло, полиция? У меня уже вторую неделю по ночам какие-то странные звонки.
- С угрозами?
- Не знаю. Они говорят: «Береги себя, донор».
- Parking им. Горького.
- – Представляешь, на меня вчера наехали.
- Что, деньги задолжал?
- Нет, улицу переходил.
- Сатир без юмора – это просто козел.
- Каждое утро он бегал за пивом, но так ни разу его и не догнал.
- Итак, во сколько и где мне быть у тебя в восемь?
- Самое вкусное – это сочетание холестерина с канцерогеном.
- Ученые изобрели таблетки от голода: они очень большие и делаются из мяса.
- Избиратель, помни! Беспорядочное голосование ведет к преждевременному волеизъявлению.
- – Пап, а меня в капусте нашли?
- А как же. Затрахались искать.
- Хочешь сеять разумное, доброе, вечное? Тогда паши!
- В отделение банка вошел человек и вручил сотруднице записку со словами: «Это изнасилование».
- Работники одной из птицеферм доказали, что птичий грипп не передается от птицы человеку половым путем.
- Я хочу знать, что ваш сын сделал с моей дочерью, что она забеременела?
- Если бы я был артистом, я бы целыми днями ездил по банкетам, пил французский коньяк, жрал черную икру, трахал поклонниц, получал большие гонорары и ни хрена не делал. Вот за это я их, артистов, и ненавижу.
- Русский любовный треугольник: я люблю ее, она любит другого... Короче, третьим будешь?
- Соседку страстно он любил
И целовал ее в мечтах.
Потом поймал ее в кустах
И дважды стал насильно мил.
- Посторонним исход воспрещен.

• Только русский способен понять такую фразу: «Давай сначала по первой и тут же по второй, потом первое, потом по третьей и по четвертой, потом второе. А между вторым и третьим можно по пятой и по шестой».

• – Как насчет поужинать сегодня вдвоем?

– Сегодня не могу. В шесть придет водопроводчик.

– Что, трубы менять?

– Какие трубы, у нас любовь!

• «Гамар джоба» в переводе на русский означает «работу закончил».

• Если враг не сдается, его не арендуют.

• Ради нее он совершал всяческие безумства: надевал светлые брюки, ел мучное, а однажды вообще ушел с работы на семь минут раньше.

• Должность: замкосмополит.

• Какой же это разврат? Это – человеколюбие.

• Из двух зол следует выбирать то, которое дешевле.

• Сиди и не дивиди.

• Четыре года мать без сына,

На пятый все же родила.

• Его величество отвозлежал ногу.

• – Представляете, убил ее прямо у себя дома! Они разговаривали у открытого окна, и вдруг он ее туда столкнул.

– Так там же первый этаж.

– Ну и что? Окно было отравлено!

• Объявление в самолете: «Пассажиры, нарушающие правила, будут оставлены в первом классе на второй год».

• Полиция разыскивает нубийца, подозреваемого в двух нубийствах.

• Самое ужасное преступление – это геноцид (*Крокодил Гена*).

• У семи нянек дитя без глазу (*Одиссей*).

• Ну и рожа! Это даже не Пятница, это Пятница, 13-е (*Робинзон Крузо*).

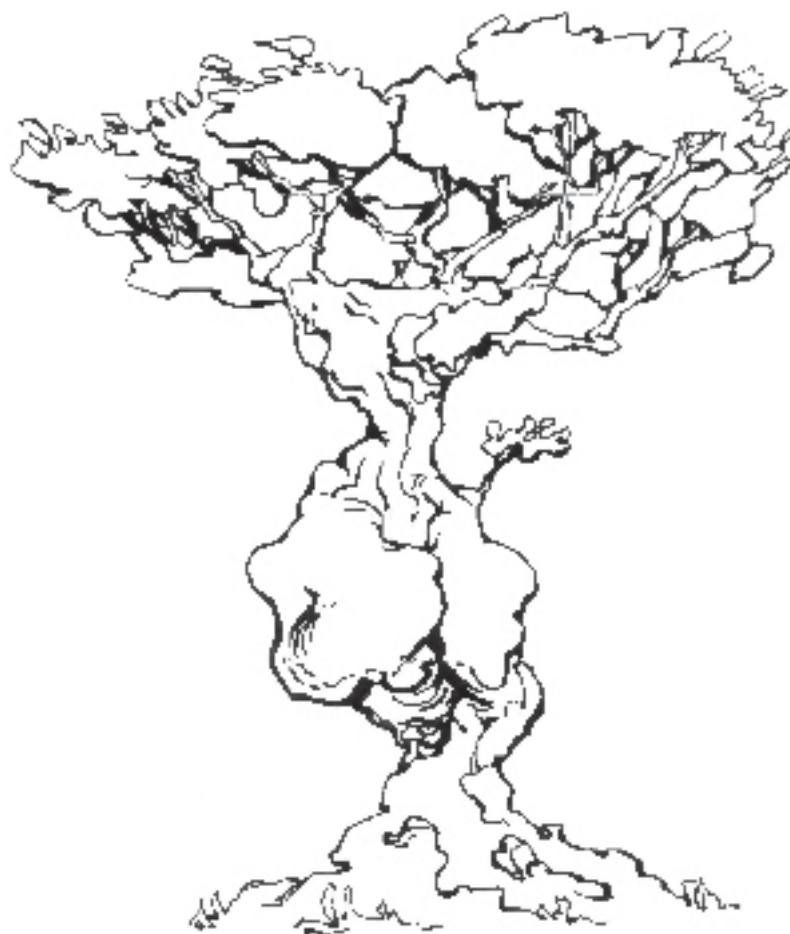
• Что у бедного еврея на ужин? Гефилте шиш.

• Этикетка: «Набор хромосомный подарочный».

• Ой, это же такое жулье! У них в квартире даже воздух – и тот спертый.

• Машенька, сделай дяде ручкой. Только медленно!

Между корнями и кроной

1

«...за что и подлежит казни через усыновление». Я вздрогнул и проснулся. Нелепая фраза из чьего-то чужого сна застряла в мозгу. Болела голова, левое колено и все ребра. Еще было холодно и мокро, и крепло ощущение, будто рядом происходит нечто скверное. Я осторожно разлепил веки, стараясь не перетруждаться. Шум стоял как на базаре, но понять что-либо спросонья в полутьме было невозможно. Когда глаза привыкли к слабому зеленовато-серому свету, падающему с набухшего тучами неба, мне удалось разглядеть кое-какие подробности, перечеркнутые кривой сеткой дождя. Я лежал, спеленатый по рукам и ногам, в чем-то вроде гигантской авоськи, сплетенной из лиан и подвешенной к толстой нижней ветви огромного дерева. Неподалеку, на расстоянии двух криков, возвышалась древняя, покрытая мхом зубчатая стена замка, по углам которой торчали мощные сторожевые башни. Несмотря на дождь, штурм был в самом разгаре. Низкорослые типы в мохнатых оранжевых шубах с кривыми мечами в заплечных ножнах ловко карабкались по длинным приставным лестницам, подбадривая себя пронзительными визгами на грани ультразвука. Ног у них, по-моему, было больше, чем по две, а с руками дело обстояло еще хуже. Защитники замка, тоже не слишком антропоморфные, в синих балахонах с какими-то пучками веревок на них, суетились на стене между зубцами. Оттуда на головы осаждающих летели камни и стрелы и лилась дымящаяся черная масса, но тем, похоже, было на все наплевать. Некоторых из них задевало, и задетые падали с лестницы, вопя уже басом, но остальные продолжали упорно лезть вверх, туда, где за зубцами стены маячили смутные силуэты защитников. На башне кто-то в черной мантии с алыми концентрическими окружностями – жрец? колдун? – замер, воздев когтистые пальцы к небу. Несколько наиболее одаренных оранжевых уже подобралась к самому гребню стены и уцепились за него крючьями. Дела у синих шли, казалось, хуже некуда, но тут хрипло взревела труба, и началось нечто неопишное. Стена замка, сложенная из огромных плотно притесанных одна к другой гранитных глыб, вдруг зашевелилась и прогнулась, образовав широкую вертикальную вмятину, внутри которой оказались все приставные лестницы с облепившими их оранжевыми. По обеим сторонам вмятины вспучились два вертикальных выступа, отчего осаждающие оказались внутри огромной каменной складки. Затем выступы стали стремительно сближаться со звуком, с каким лезвие ножа трется о точильный камень, только во много раз сильнее. Победные крики сменились возгласами ужаса: осаждающие запоздало сообразили, какая участь им уготована. Некоторые из них в отчаянии прыгнули с лестниц и почти наверняка разбились о камни у подножия стены, кое-кто бросился наверх с утроенной скоростью, остальные замерли на месте, парализованные ужасом. Каменные челюсти сомкнулись с чавкающим треском, оборвав многоголосый вопль тех, кто оказался между ними. Еще минута – и выступы задрожали и разошлись, стена разгладилась и стала как прежде, за исключением большого красного скользкого пятна с налипшим на нем мясным фаршем (трагедия обернулась фаршем, некстати пронеслось в голове). Жрец на башне обернулся, и я увидел, что из-под капюшона у него торчит огромный черный зазубренный клюв. Этот клюв широко раскрылся, потом оглушительно щелкнул, и длинный коготь колдуна нацелился в меня...

На этом месте я заорал и проснулся окончательно. Так мне, во всяком случае, показалось, хотя дождь продолжал идти. Открывать глаза, исходя из прошлого опыта, не хотелось, и я некоторое время полежал так. Спустя несколько минут любопытство возобладало. Я осторожно приоткрыл один глаз. Чудовищный замок исчез, а вместо него прямо напротив меня имел место вполне земной и очень знакомый потолок. С потолка лилась вода. Тонкая струйка падала из середины зеленовато-серого пятна размером с оркестровую тарелку прямо мне на лицо. Соседа убью, подумал я. И закопаю с особым цинизмом. Сосед сверху по ночам мыл полы и при этом не жалел воды, которая, повинувшись закону тяготения, к утру иногда проса-

чивалась вниз, то есть к нам. Днем он, должно быть, эти полы пачкал, и Авгию определенно нашлось бы чему у него поучиться.

Серый рассвет вставал за окном, заставленным цветочными горшками. На одном из них расположился огромный черный таракан. Он так нагло шевелил усами и выглядел таким самодостаточным, что захотелось врезать ему как следует, да лень было связываться. Из кухни тянуло заманчиво и слышались голоса. Голова все еще побаливала, хотя колено прошло, да и ребра, пожалуй, тоже. Я попытался вспомнить, какой сегодня день, но не смог. Дабы обрести опору если не в пространстве, то хотя бы во времени, я решил пока считать сегодняшний день субботой. А значит, можно было бы еще спать и спать, но уж очень не хотелось возвращаться в тот же сон. Постонав для порядка, я перелез из кровати в джинсы, погрозил таракану кулаком и поплелся, слегка пошатываясь от пережитого, на звук и запах по узкому темному коридору. В огромной нашей кухне горел свет. За столом сидел Эдик и вдумчиво осваивал солидную горку свежеиспеченных блинов, возвышающуюся на блюде. Блины он брал руками, сворачивал в трубочку и макал в миску с чем-то янтарно-тягучим. Соня стояла рядом и внимательно наблюдала за процессом с видом исследователя, фиксирующего рефлекс у подопытного экземпляра. У окна в углу дивана пристроился Сева. Перед ним на круглом мраморном столике горела настольная лампа и лежал какой-то замысловатый прибор, в котором Сева сосредоточенно ковырял отверткой, мурлыча вполголоса: «Мы шли под грохот канонады, поскольку было очень надо». За его спиной певец в телевизоре беззвучно разевал вместительный рот.

– Шалом, люди добрые. Что это вам в субботу не спится? Между прочим, жрать блины без меня очень вредно для здоровья, – сказал я, протягивая руку к блинам.

– Во первых, сегодня пятница. А во-вторых, Эдик проголодался, – Соня провела рукой по лохматому эдиковому затылку. При этом она, видимо, нажала случайно на какой-то нерв, потому что Эдик неожиданно лягнул зубами и зажевал вдвое быстрее прежнего.

– Чем жрать, лучше бы спал ночью. И сам бы смотрел сны свои кошмарные, а не подсовывал другим.

– А что, опять? – невнятно спросил Эдик сквозь блин.

– Естественно.

– Расскажешь?

– Кофе сварить – расскажу.

В свободное время Эдик пишет прозу в жанре нездорового фэнтези. Закончив одну вещь, он тут же забывает о ней и начинает следующую. Он даже не распечатывает их, так и хранит в своем компьютере, позволяя, впрочем, читать всем желающим. По его собственному утверждению, он, когда пишет, ничего специально не придумывает, а лишь описывает свои сновидения. А сновидения у него такие, что любой писатель продал бы за них свою бессмертную душу, если бы она у него имелась. Сны, как правило, идут сериями по несколько ночей подряд, всегда продолжаясь с того момента, где закончились накануне, и представляют собой нечто совершенно невообразимое по глубине и яркости сцен и по закрученности сюжета. У меня такое ощущение, что сны эти не являются целиком продуктом подсознания Эдика, а транслируются из какого-то внешнего источника. Во всяком случае, когда Эдик бодрствует, его сны запросто могут присниться другим людям, спящим неподалеку. О возможной природе этого внешнего источника я стараюсь не задумываться.

– Сделаю я тебе кофе, – сказала Соня, открывая дверцу шкафчика. – Правда, у нас только такой остался, без кофеина.

– Осталось, – уточнил я.

– Что осталось?

– Кофе. Без кофеина оно среднего рода. Для меня, во всяком случае.

Эдик проглотил блин и уставился на меня. Как всегда, под его взглядом возникло нереальное ощущение, будто мой вес разом уменьшился на пару десятков килограмм.

Я игриво подпрыгнул, встал на пуанты, кончиками пальцами оттянул джинсы на бедрах и пропищал дурным фальцетом:

– Я маленькая девочка, играю и пою, я Ленина не видела, но Сталину даю!

Эдик критически оглядел меня и погасил взгляд. Я тут же потяжелел обратно.

– М-да, – сказал Эдик. – Печальная картина. Музыка бездарная, вокал убогий, хореография сомнительная. И текст устарел.

– Подумаешь! – гордо ответил я. – Зато какой нравственный заряд.

– Это – да. Что есть, то есть. Куда там набоковской Лолите. Ладно, что у тебя там во сне-то было?

– Все было. Тебя вот только не было, а жаль. Между прочим, сироп-то кленовый! – Я постарался придать голосу осуждающую интонацию, но, похоже, не очень-то в этом преуспел. Возможно, оттого, что одновременно залез своим блином в упомянутую миску. – Поклон от канадских лесорубов.

– А кто вчера огурцами закусывал? – парировал Эдик. – Гиви узнает – зарэжет. И вообще, кто завтра в ванной мне в тапочки воды с похмелья нальет?

На это я ничего не ответил, поскольку за огурцы Гиви действительно может «зарезать», а во всем, что касалось завтра, Эдик ошибается редко. Правда, у него получается, в основном, предсказывать всякие мелкие пакости, а не, скажем, выигранные номера «Лото», но и это впечатляет и с непривычки вызывает оторопь. Я, впрочем, уже привык. Интересно, что по субботам у него это не выходит. От прихода и до исхода субботы его дар предвидения загадочным образом отключается. Но сегодня пятница, а значит, судя по всему, мне суждено вечером напиться, дабы, согласно пророчеству, обеспечить себе завтрашнее похмелье.

– Эдик, – спросил Сева, не поднимая головы. – Ты когда уже, наконец, книжку выпустишь?

– Точно, – оживился я. – Я бы почитал перед сном. Очень, наверное, способствует.

– Не знаю. Пока желающих издать не нашлось.

– А ты что, уже носил кому-то?

Эдик свернул очередной блин в трубочку и, прищурившись, посмотрел через него на Севу.

– Носил.

– Ну и как?

– А никак. Выкладки какие-то дурацкие стали мне показывать. И по этим выкладкам получается, что печатать им меня невыгодно. Не просить же их: «Издайте, Христа ради!»

– А если за свой счет? – кротко спросил я. – Нельзя же лишать мировую литературу такого вклада. Возвышенная проза и все такое.

– Придется, видно, мировой литературе захиреть без меня, – ответил Эдик, – поскольку на третьей Скрижали – той самой, которую Моисей оставил на горе Синай – среди прочих второстепенных заповедей была выбита и такая: «Не издавайся за свой счет». И правильно, потому что за свой счет издаваться так же безнравственно, как и отдаваться. Это как если бы актер платил театру за то, что он в нем играет. Нет уж, лучше я похожу в безвестных гениях. Тоже звание почетное.

– Конечно, – согласился я. – Особенно, если сам себя им наградил.

– Какая разница, кто наградил? Гений – понятие относительное. Для меня, допустим, Шостакович гений, а для кого-то он сумбур вместо музыки. А еще кто-то вообще слушает только попсу.

– Шостакович, между прочим, для миллионов гений.

– А для десятков миллионов он сумбур. Что же теперь, на большинство ориентироваться? Лучше уж я сам разберусь, что возвышенно, а что возниженно. Пока ты будешь статистику собирать.

– Слушай, ты, юноша бледный со взором горящим! Я, между прочим, тебя практически похвалил, а что имею в ответ? Похвала, конечно, тонкая, не всякому писателю доступная, но ведь я готов был снизить до разъяснений. А теперь все, поезд ушел. Сейчас заберусь к тебе на Олимп и надеру уши.

Эдик снисходительно оглядел меня. В глазах его заплясали бесенята.

– Сынок, с кем ты связался? Ты своими небритыми ногами залез в святая святых, в творчество. А там все до боли неоднозначно. Ты на Олимп лучше не забирайся, тут холодно и ветер. И скинуть могут. Сиди вон у подножия, пиши свои программы. Они хоть и проще, зато за них платят. Согласны, сэр?

– Проще? – удивился я. – Как раз наоборот – сложнее. Видите ли, сэр, тут халтура не проходит, пыль в глаза не пустишь. Если программа не работает, это всем сразу видно. В отличие от романа или симфонии. И никакие аргументы типа «вы до моей символики еще не доросли» тут не канают.

– Юноша смуглый со взором потухшим, – вздохнул Эдик, – съешь блин и расслабься. Нельзя переть на рожон, толком не проснувшись.

С этим я не мог не согласиться. Тем более, что весь мой литературный опыт ограничивается одним-единственным рассказом, написанным в шестом классе. Рассказ назывался «Не соло нахлебавшись». В моем тогдашнем представлении это выражение означало, что кто-то нахлебался не в одиночку. Сюжет был прост, но динамичен. Пионер Изя плыл с родителями на прогулочном теплоходе по Волге, а на теплоход напал фашистский авианосец и взял их на бордаж. Все растерялись, кроме, естественно, пионера Изи, который, рискуя жизнью, утопил главный спасательный круг, чтобы тот не достался врагам. Рассказ даже напечатали в школьной стенгазете, только название исправили и пионера переименовали из Изи в Кузю.

– Эдик, а что это еще за третья Скрижаль? – спросила Соня, ставя передо мной чашку с горячим бесполом кофе. – И почему Моисей ее не взял?

– Сил не хватило за один раз все унести, Сонечка. Они ведь каменные.

– Дефицит ресурсов, – авторитетно заявил Сева. – Как следствие неправильного планирования. Я лично считаю: даруешь кому-то заповеди – даруй также и силу если не выполнять их, то хотя бы дотащить.

– Даем советы Всевышнему? – усмехнулся Эдик.

– А как же иначе? Если бы он еще им следовал...

– Ладно, – сказал я, – переживем как-нибудь без третьей Скрижали. Мы и те две не очень-то соблюдаем. Спасибо, Сонечка.

– Доброе утро, Саша – прошелестел сзади меня тихий голос. Я оглянулся. В кресле, стоявшем в нише между холодильником и буфетом, примостилась, поджав под себя ноги, похожая на куклу Барби девушка Лена, которую я вчера привел сюда. Привел так же, как два года назад привели меня.

2

Черт его знает, какое время года было два года назад. Помню лишь, что деревья, кусты, трава и все остальные растительные компоненты современного города остервенело зеленели, за исключением цветов, захвативших также и всю остальную видимую область спектра. Я гулял по тель-авивскому парку Ганей Иешуа и лениво размышлял о своих дальних и ближних перспективах. Как сказал один философ: «Раз уж нам приходится думать, желательнее позаботиться о том, чтобы этот процесс проходил как можно менее болезненно». Лично мне лучше всего думается в лесу, хотя в городских условиях приходится ограничиваться парком. Я шел куда глаза глядят и крутил в руках сосновую веточку с длинными иголками и маленькой остроконечной шишкой.

Накануне я в компании своего выпуклого отражения в никелированном чайнике отметил год со дня развода с женой. Событие, в общечеловеческом понимании, печальное; в моем же частном случае – просто упорядочившее взаимоотношения двух далеких друг от друга людей. Телесной близости у нас с ней к тому времени не было уже более полугода, а что касается духовной, то ее, насколько я теперь могу судить, не было никогда. Если, конечно, не считать таковой наши еженедельные визиты к ее сестре с непременно прослушиванием всякий раз новых и неизменно бездарных песен под гитару, сочиняемых мужем той самой сестры в невероятных количествах с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Правда, стоило этому графоману (точнее, грифоману) положить гитару, как он мгновенно превращался в тонкого и эрудированного собеседника. Помимо песен, он увлекался историей и генеалогией шотландских кланов. Как сказала однажды в простоте душевной его жена: «Мой Гриша так обожает шотландцев – ни одной юбки не пропускает».

Сейчас, пытаясь осмыслить все, произошедшее со мной за последний год, я начинал понимать, что добытая мною в бою свобода – это лишь первое звено в той цепи, что опутывает нас по рукам и ногам, цепи, которую так тяжело сбросить. А те из нас, кто все же сумел это сделать, тут же, не успев издать победного крика, рассыпаются на части, потому эта цепь несвобод, оказывается – единственное, что удерживало нас в одном куске. Но до полного осознания этой основополагающей истины было еще далеко. Пока же я неторопливо бродил по дорожкам и анализировал свои ощущения, пытаюсь понять, действительно ли мое либидо, нахально продремавшее последние полтора года и тем самым избавившее меня от массы мелких мужских проблем, подарив взамен одну большую, соизволило сегодня утром, наконец, проснуться, или мне это только показалось.

Я достал сигареты, поискал спички и огляделся вокруг. Неподалеку на скамейке сидели два парня и девушка и вполголоса что-то горячо обсуждали. Я направился к ним, держа сигарету наизготовку для вящей демонстрации несложности и, одновременно, неотложности своей просьбы, но они были так увлечены разговором, что не замечали ни меня, ни моих стараний. Парни (почему парни, подумал я? взрослые мужики) выглядели лет на тридцать пять – сорок. Один из них был очень тощим и, по-видимому, очень длинным. Скамейка была слишком низкой для него, и он скрючился так, что его острые колени почти упирались в еще более острый кадык. У него были длинные глаза, длинный нос, длинный рот и длинные уши, и все это было увенчано лохматой копной темно-рыжих волос того самого химически недостижимого оттенка, о котором мечтают все женщины, не желающие почему-либо стать блондинками. Всем этим, а также общей ехидностью облика он напоминал клоуна, забывшего разгримироваться после работы. Второй был массивный, в очках и с бородой, и в целом походил на физика из тех, что днюют и ночуют в лаборатории, спят на масс-спектрографе, умываются тяжелой водой и варят пельмени с помощью гамма-лазера, а отпуск считают загубленным, если не провисели его на крюке, вбитом в скальную стену где-нибудь у черта на куличках или хотя бы на Памире.

Правой рукой он придерживал нечто вроде необструганной березовой дубинки с рогаткой на конце, не производившей, однако, впечатления оружия. Девушка была маленькой, пухленькой и длинноволосой. Кругленькая такая русалка. Отсюда было не видно, какого цвета у нее глаза, но что-то русалочье в ней, несомненно, присутствовало. На пышной ее груди лежали крупные бусы, сделанные из кипарисовых шишечек. Рядом с русалкой стоял декоративный цветочный горшок с большим полураскрытым лиловым бутонем в обрамлении темно-зеленых бархатных листьев. Эти листья она осторожно перебирала кончиками пальцев. Название страны исхода, казалось, было написано у всех троих на лбу большими буквами. Они заметили меня, когда я подошел чуть ли не вплотную, разом замолчали и с загадочным интересом уставились на сосновую веточку в моей руке, затем так же синхронно перевели вопросительный взгляд на меня. Глаза у девушки оказались, естественно, зелеными, у физика – карими, а у клоуна я не успел разглядеть, так как он их тут же опустил и уставился на свои ботинки.

– Простите, у вас не найдется спичек? – спросил я по-русски и небрежно помахал сигаретой как бы в подтверждение того, что спички мне нужны не для поджога окружающей среды, а исключительно для мелкой личной надобности.

Все трое переглянулись с непонятным разочарованием. Мне показалось, что они ожидали от меня чего-то совсем другого, а я их ожиданий не оправдал. Мысленно ругнув себя за ненаблюдательность, я уже собрался было повторить вопрос на иврите, но бородатый физик кивнул, пристроил свою дубинку между колен, полез в карман куртки и достал зажигалку. Под левым глазом у него имел место слегка запудренный треугольный синяк второй свежести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.